

Он притянул его к себе, обнял — ведь говорят, что разлука лишь делает встречу слаще, а в столь прекрасную ночь грех тратить время впустую. Лю Че обхватил ладонями его лицо и принялся покрывать его нежными, бесконечными поцелуями.

Он смотрел на эти мужественные черты, на складное тело и думал о том, что десять лет назад тот был лишь прелестным, но пустоватым юношей, а теперь превратился в отважного полководца, покорителя пустынь. Слово доброе вино, с годами он стал лишь крепче и ароматнее.

Вэй Цин покорно позволял ему делать с собой что угодно, но никак не мог настроиться на нужный лад. Он всё время напоминал себе, что перед ним император, в руках которого власть над жизнью и смертью. А ведь раньше, в моменты близости, он об этом забывал.

Можно было притворяться, подстраиваться под желания, но тело не обманешь, и ответную реакцию не сыграешь. Лю Че, конечно, заметил, что Вэй Цин стал иным, но списал всё на долгую разлуку и особого значения не придавал. Он даже стал внимательнее к его ощущениям, стараясь доставить удовольствие.

Однако, несмотря на все старания, отклик Вэй Цина оставлял желать лучшего, и Лю Че начал терять терпение. Он дунул ему в ухо и полусутоливо заметил:

— Что с тобой сегодня? Впервые, что ли? К чему такая скованность?

Вэй Цин вздрогнул и выпалил:

— Виноват, Ваше Величество!

Лю Че внезапно почувствовал глухое раздражение, хотя сам не смог бы объяснить причину. Раньше Вэй Цин, пусть и не был пылким, всегда откликался на его ласки, а в последние два года, помимо привычной мягкости и покорности, порой даже самозабвенно отвечал на его порыв. В этой грации было нечто неопределимо притягательное. Разве мог он раньше в такой момент произнести с таким испугом и отчужденностью эти слова: виноват?

Что происходит? Всё ещё злится из-за того, что случилось недавно? Но ведь всё уже уладили. Лю Че внимательно посмотрел на Вэй Цина и заметил, что тот отводит взгляд, избегает смотреть ему в глаза, как делал всегда. Императора охватило сомнение: что же сейчас творится в голове у этого человека?

Следующие несколько вечеров прошли точно так же. Лю Че чувствовал себя обделенным, раздраженным, не находил себе места — ни сесть, ни встать, ни лечь. В груди клокотал огонь, требующий выхода.

С шумом прыгнув в купальню, он поднял тучу брызг. Лю Че вынырнул, вытер лицо и с

облегчением выдохнул — беспокойство немного утихло. Служанки, дежурившие рядом с полотенцами и мылом, замерли в ожидании. Лю Че ещё пару раз нырнул, а затем подозвал одну из них. Девушка подошла, улыбаясь — яркая, живая, с милой родинкой у уголка губ. Она опустилась на колени, протягивая поднос, и её пышная грудь оказалась прямо перед глазами Лю Че. Настроение императора внезапно улучшилось.

Протянув руку, он схватил не мыло, а саму девушку. В следующее мгновение она вместе с подносом оказалась в воде.

Вэй Цин по вызову прибыл ко дворцу. Евнух ушел доложить, но долго не возвращался. Вэй Цин терпеливо ждал. Прошло немало времени, прежде чем слуга вышел обратно, а из глубины покоев доносились плеск воды и звонкий женский смех. Евнух передал, что император просит Вэй Цина подождать в спальне.

Вэй Цин просидел там долго, но Лю Че так и не появился. Лампы горели ровно, время словно застыло, перестало чувствоваться. Вэй Цин начал клевать носом, а потом внезапно встрепенулся — рядом по-прежнему никого не было. Он встал, подошел к дверям, вглядываясь в ночь — луна уже перевалила за полночь и клонилась к закату. Что означали эти звуки и это бесконечное ожидание? Вэй Цин горько усмехнулся, почувствовав вместе с тем странное облегчение. Он вернулся на место, оперся лбом о руку, закрыл глаза и провалился в глубокий сон с чувством, будто тяжелый груз упал с плеч: всё наконец кончилось.

В купальне евнух торопливо принес весть. Лю Че отстранил мокрую девушку, выбрался из воды, обтерся и оделся. Когда он подошел к дверям спальни, стража открыла их, но Лю Че поднял палец к губам, приказывая соблюдать тишину. Он прокрался внутрь, словно вор.

Сдержанный Вэй Цин всё ещё сидел на прежнем месте, и Лю Че был этому рад. Обойдя его, он увидел, что тот, кажется, спит. Наклонившись, чтобы рассмотреть его получше, император пришел в ярость: спящий Вэй Цин улыбался, словно был необычайно доволен! Неужели он так радуется тому, что его оставили без внимания? Неужели так стремится избавиться от него?

Лю Че начал трясти его, с силой и яростью. Вэй Цин, сонный и растерянный, не успел даже осознать происходящее, как его уже прижали к ложу. Лю Че, мрачный как туча, безжалостно подавил его, выплескивая всю дневную досаду и нынешний гнев.

На следующий день ту самую служанку, которую затащили в воду, щедро одарили и возвели в ранг красавицы Ван — она стала новой любимицей императора. В зените своей славы красавица Ван буквально светилась от счастья, одаривая всех вокруг кокетливыми взглядами. Как мог Лю Че не радоваться, обнимая такую женщину?

Старший наследный принц Лю Цюй находился на руках у кормилицы, под бережной опекой. Будучи единственным сыном, он по умолчанию считался будущим императором. Вэй Цин взял его на руки, поцеловал в пухлую щечку, заставляя заливаться смехом.

Лю Че издали наблюдал за ними, испытывая странную, необъяснимую досаду. Когда он вел себя подобным образом, Вансунь прибегал с гневными вопросами, а почему Вэй Цин — ни слова? Напротив, он так счастлив, играя с племянником и племянницами, словно ему совершенно нет до него дела. В этот момент Лю Че предпочел бы, чтобы Вэй Цин направил на него меч. Кто из них двоих на самом деле холоден — вот в чем вопрос.

Мимо пробежал юноша, и Лю Че вздрогнул, невольно съежившись, а потом всмотрелся: это же Хо Цюйбин. Тот худощавый мальчишка стал таким статным воином? Лю Че замер: времена меняются, всё уходит, и ему больше не увидеть того юношу в белых одеждах, что шел к нему с мечом в руке.

— Иди сюда! — Лю Че приветливо поманил Хо Цюйбина и достал несколько свитков. — Сегодня я обучу тебя военному искусству. Тот, кто хочет стать военачальником, обязан знать его.

Хо Цюйбин моргнул:

— Ваше Величество, вы одержали много побед?

— ...Нет.

— Неужели вы терпели поражения?

— Нет!

— Тогда...

— Я никогда лично не вел войска в бой! Доволен?

— А вы обучали солдат?

— ...Тоже нет. Этим занимаются другие...

— Тогда на каком основании вы собираетесь меня учить?

— ... — у Лю Че дернулся глаз.

Успокоившись, он улыбнулся:

— Цюйбин, я учу тебя по тем самым книгам, что читал твой дядя. — Он постарался придать улыбке максимально благодушный вид.

— О-о... — юноша наконец изобразил что-то похожее на почтение, но слова его не вязались с выражением лица: — Военные трактаты полны пустых слов. Я считаю, что важнее уметь приспособливаться на поле боя. — Сказав это, он поклонился и удалился.

Лю Че: «...»

В углу летописец Сыма Тань с каменным лицом старательно выводил иероглифы. Лю Че бросил на него яростный взгляд, и Сыма Тань послушно убрал свитки, выходя в коридор, чтобы продолжить работу там.

Лю Че пошел следом и увидел, как Хо Цюйбин упражняется в верховой езде и стрельбе. Юноша в белом проносился мимо на коне, натягивал тетиву, оборачивался и снова стрелял. Промаш — начинал заново. Попадание — повторял. Его сосредоточенное лицо было таким серьезным, тихим; кроме стука копыт и звука удара стрелы о мишень, не было слышно ни звука.

В полузабытьи Лю Че вернулся на десять лет назад. Тот самый юноша в белом с гордым видом держал лук, а на поясе у него висела рогатка. Он повернул голову, увидел ехавшего рядом Лю Че и рассмеялся — так ярко и радостно.

Стрелы, лук, рогатка мелькали в его тонких пальцах. Завидев добычу, он рвался вперед, стрелял быстрее всех, громко ликовал при попадании, словно не зная, что такое скромность. Но когда он тренировался, у него было точно такое же выражение лица...

— Дядя!

Этот радостный возглас вернул Лю Че в реальность. Он поднял глаза и увидел, как Хо Цюйбин соскочил с коня и побежал к появившемуся неизвестно откуда Вэй Цину. Вэй Цин улыбнулся, похлопал его по плечу, что-то говоря, а Хо Цюйбин усердно кивал. Вэй Цин зашагал прочь, а Хо Цюйбин следовал за ним, как радостный щенок, прыгая то влево, то вправо.

Лицо Лю Че снова вытянулось: я ведь тебе почти как второй отец, почему ты слушаешь только Вэй Цина?

Он снова пожалел: почему тогда не приударил за Вэй Шаоэр? Иначе сейчас Цюйбин был бы его собственным сыном... Сын не чтит своего отца, хм...

На совещании Лю Че следил за Вэй Цинем, и всё в нем казалось ему не таким, как надо. Разве Вэй Цин раньше был таким? Почему, что бы император ни сказал, тот лишь кивает, выражая согласие? Неужели он сам настолько гениален, что в его словах нет ни единого изъяна? Вэй Цин правда обдумывает его слова или просто отмахивается?

Очередное «Ваше Величество говорит совершенно верно» переполнило чашу терпения Лю Че.

— Ваше Величество говорит верно, говорит верно... Ты больше ничего не умеешь сказать? — объявил об окончании собрания и в ярости удалился.

Вэй Цин остался стоять в замешательстве. Несколько советников смотрели на него с удивлением — он и сам не понимал, чем разозлил императора. Стратегические планы против хунну были хороши, предложения Лю Че — эффективны и осуществимы, особенно идея создания округа Цанхай для защиты восточного фланга. Это было верное решение, и даже если бы Лю Че не настоял, Вэй Цин сам убеждал бы его в этом.

Такая переменчивость настроения императора приводила его в тупик.

Лю Че сердито вернулся во внутренние покои, где его встретила красавица Ван.

— Ты! — он ткнул её пальцем в нос. — Скажи, в чем польза и вред от создания округа Цанхай?

Красавица Ван опешила:

— Ваше Величество, какое создание... округа Цанхай? Это же государственные дела, мне, женщине, в них не разобраться... и не мне вмешиваться.

Лю Че поджал губы и медленно опустил руку. Спрашивать нужно было у того, кто в этом понимает, а срывать злость здесь — какой смысл?

Со дня той ссоры Лю Че долго не вызывал Вэй Цина для обсуждения государственных дел — не хотелось снова слышать возражения. Но жить так было невыносимо. Вэй Цзыфу не понимала, о чем он говорит, красавица Ван тоже — никто во дворце его не понимал! Он чувствовал себя изгнанником, которому не с кем даже поговорить.

Как Вэй Цин проводил эти ночи? Так же ворочался с боку на бок? Ах да, ведь у него теперь есть женщина...

Хотя он и вызвал его во дворец в первую брачную ночь лишь ради устрашения, и хотя официально признал Чжэн Жуйюй лишь наложницей Вэй Цина, он всё же не препятствовал их союзу.

Как они ладят сейчас?

С наступлением темноты карета тихо выехала из дворца. Сердце Лю Че колотилось. В щель занавески он смотрел на темные улицы, совсем не похожие на дневные. Колеса мерно стучали, и казалось, что он вернулся на десять лет назад, когда юный император тайком выбирался из дворца на охоту.

Тайные вылазки — это он любил больше всего. Именно в ту ночь, у дома доктора Хань Ина, он увидел Хань Яня, только вернувшегося в Чанъань...

Тогда волосы у Вансуня были длинными, он был весь в грязи, а одежда потеряла всякий вид. Лю Че принял его за беспризорника. Когда Хань Янь, сын хоу Гун-гао, предстал перед ним в кабинете, это действительно стало для него сюрпризом.

— Девочка, зачем тебе учиться? Иди лучше вышивай! — тринадцатилетний Лю Че обошел вокруг ребенка, присланного ему в напарники по учебе, и презрительно рассмеялся.

— Я не девочка.

— О? — Лю Че с наглой улыбкой приблизился к его лицу, косясь на нижнюю часть тела. — А у тебя есть... ну, ты понял? — и протянул руку, чтобы стянуть штаны.

Тот, разумеется, воспротивился, попытался оттолкнуть его, но Лю Че не отступал. В конце концов, доведенный до отчаяния Хань Янь схватил чернильницу со стола и запустил в него...

Тридцатилетний Лю Че вздрогнул — воспоминание о боли вернуло его в реальность. После того случая свита для выездов увеличилась на одного человека, а пять лет спустя — ещё на одного. Лю Че снова отодвинул занавеску. Раньше, до того как стать генералом, Вэй Цин всегда скакал на коне рядом с каретой, и стоило откинуть шторку, как перед глазами всегда была его спина...

Теперь того, кто сидел бы рядом с ним в карете, уже не найти, а за тем, кто скакал снаружи, он сам едет прямо сейчас.

Карета остановилась у задних ворот особняка Вэя. Лю Че вышел, слуги постучали. Стража, узнав императора — ведь всех рабов в этом доме жаловал сам Лю Че, — замерла в поклоне, но он жестом остановил их, запретив докладывать.

Лю Че вошел во двор и, крадучись, двинулся вперед. Странное дело, он чувствовал предвкушение, как от тайного свидания. Сердце билось еще сильнее: он впервые без предупреждения вломился в чужой дом. Что сделает Вэй Цин, увидев его? Испугается? Обрадуется? Скорее всего, просто растеряется...

Лю Че с удовольствием предавался фантазиям.

По пути он строго приказывал каждому встречному слуге хранить молчание. Добрался до спальни, увидел свет в окне. Внутри кто-то разговаривал.

— Ваше Величество в последнее время не вызывает вас, супруг.

— Разве плохо, что я остаюсь с тобой подольше?

— Я, конечно, счастлива, что вы рядом. Но император... почему он внезапно стал так холоден? Может, он сердится? Но зная ваш нрав, я не думаю, что вы могли бы прогневить государя. Что

же случилось? — осторожно спрашивала она с явной надеждой в голосе.

— Ничего особенного, не переживай. Недавно император благоволил красавице Ван, видимо, занят был.

Этот нежный, ласковый тон, который он никогда не слышал от него, поразил Лю Че. Он не мог представить, какое выражение было на лице у Вэй Цина в этот миг.

— Вот как. — В голосе женщины прозвучала радость. Лю Че, подслушивающий снаружи, мгновенно вспыхнул от ревности. А изнутри послышался шорох одежды — видимо, кто-то мягко обнял собеседника. Женщина снова спросила:

— Тогда император вас не притесняет?

— Не волнуйся. У императора великие планы, он мыслит масштабно, заботится о Поднебесной. Он — дракон среди людей, мудрый правитель, каких не встретишь столетиями. Он не станет смешивать личное с государственным.

— Правда?

— Правда. — Пауза, вздох. — Просто я по своей глупости порой не могу понять волю государя. Как сегодня... может, я разочаровал его. Думаю, император, возможно, больше не хочет слышать моих слов. Что бы я ни делал и ни говорил — всё не так. Теперь единственное, что я могу — это просто держать язык за зубами...

Лю Че с грохотом распахнул дверь. Вэй Цин и Чжэн Жуйюй, увидев его на пороге, не могли поверить своим глазам, сомневаясь, не галлюцинация ли это. Лю Че, наслаждаясь их выражением лиц, с усмешкой шагнул внутрь. Заметив, что они пришли в себя, Вэй Цин поспешно накинул верхнюю одежду на жену, одетую в одну нижнюю рубаху, и они оба упали на колени.

Лю Че, делая шаг за шагом, смотрел на то, как Вэй Цин защищает её, и ярость жгла его изнутри. Бросив косой взгляд на супругу: «Ишь как они привязаны друг к другу!» — он бросил:

— Выйди. У меня есть разговор с Вэй Цинем.

Чжэн Жуйюй, крепче закутавшись в халат мужа, поклонилась и вышла, прикрыв дверь.

Лю Че обернулся к Вэй Цину. Хотя он знал о наложнице, никогда всерьез не задумывался, что это значит, и тем более не ожидал увидеть такую нежность в том, кто всегда был с ним до дрожи осторожен.

— Вэй Цин, — Лю Че сделал шаг ближе.

— Я здесь, — ответил тот, словно делая шаг назад.

— Когда я говорил, что не хочу тебя слушать? А?

— ...

— Я просто решил немного отдохнуть, выпить чаю, посмотреть танцы, выпить вина. А красавица Ван просто оказалась рядом. Это что, преступление?

— ...

— Что за глупости про неспособность понять волю государя? Полный бред!

— ...

— А ты — погряз в женских юбках, разленился! На всё мои слова отвечаешь либо «император мудр», либо «император говорит верно». Посмотри на себя, на кого ты похож!

Лю Че сыпал обвинениями, сваливая всё на него. Вэй Цин молчал, позволяя ему кричать.

Разговаривать самому с собой оказалось скучно, и Лю Че быстро это понял.

— Ну ответь хоть что-нибудь!

— Я считаю, что слова Вашего Величества совершенно верны, но раз вам это не нравится, я пытаюсь подобрать другие слова, — ответил Вэй Цин.

— ... —

В уголке губ Вэй Цина промелькнула едва заметная улыбка — она исчезла так быстро, что он сам не успел её осознать. Тайная, невыразимая радость. Похоже, император просто уязвлен в своем самолюбии, а вовсе не затаил обиду из-за его прямоты. Иначе он не приехал бы сегодня лично, чтобы нести всю эту чепуху.

Вэй Цин отошел в сторону, предлагая Лю Че сесть. Тот, однако, не сел на подушки, а бесцеремонно уселся на постель Вэй Цина, попутно утянув и его за собой.

Очистив горло, уже более спокойным тоном Лю Че произнес:

— Я обдумал твои доводы по поводу дома Го. Хотя ты и проявил слабость, в этом есть резон... — Заметив, что Вэй Цин опустил голову, он добавил: — Подними голову, смотри на меня. — Вэй Цин послушался, и Лю Че удовлетворенно кивнул. — Я был слишком вспыльчив, не следовало так злиться.

Вэй Цин тут же снова опустил голову:

— Ваше Величество, я не достоин!

Лю Че снова заставил его поднять голову:

— Впредь, если у тебя есть мнение, говори прямо. Никаких «мудр» или «верно» — это пустые

слова. Я хочу слышать только правду, даже если она неприятна. Перестань быть таким осторожным и запуганным, я ведь не тигр.

Он прижал его руку к своей, подчеркивая каждое слово:

— Еще тогда, в зале этого дома, я сказал тебе: мне нужны не просто покорные рабы, а важные министры, на которых я могу опереться. Ты — не домашний слуга, а опора двора. Я хочу видеть в тебе государственного мужа, столп империи, а не бессловесное эхо.

<http://bllate.org/book/21150/2144305>